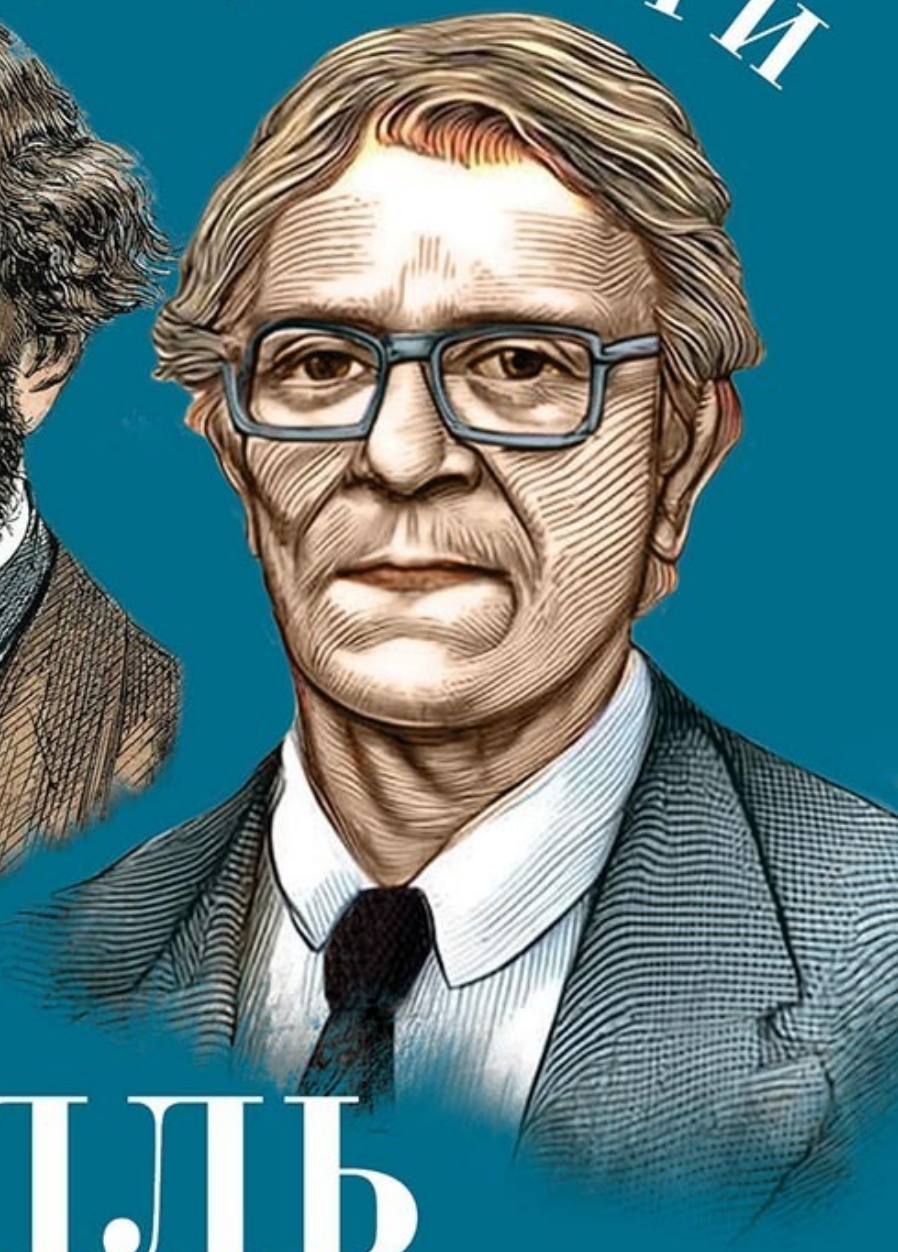
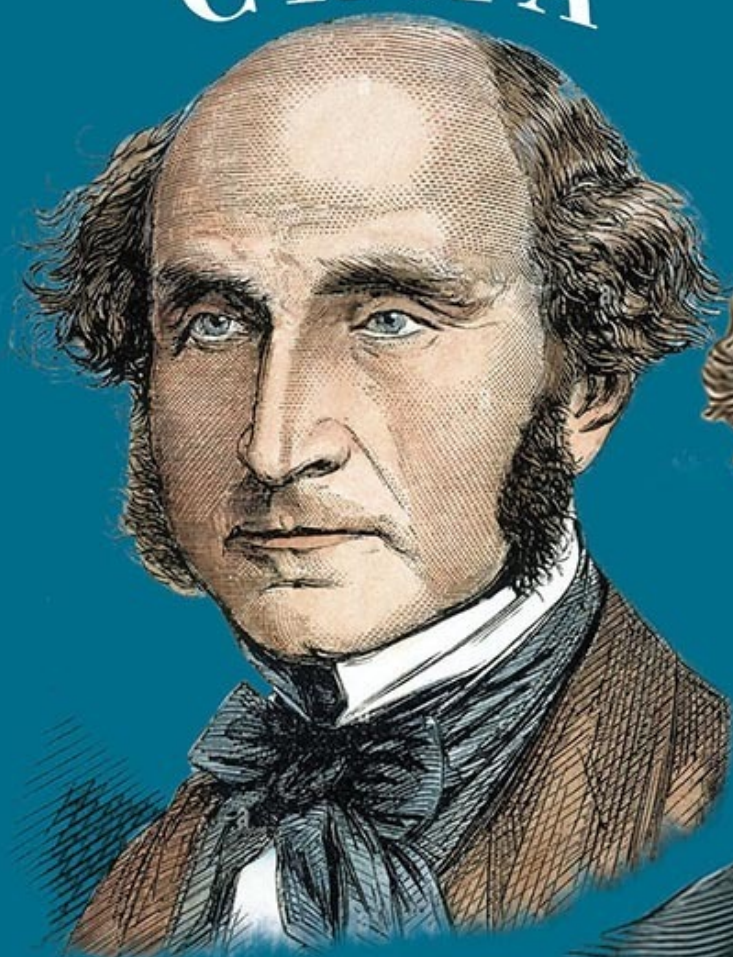

СИЛА МЫСЛИ

ДЖОН
МИЛЛЬ

ДЖОН
РОУЛЗ

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

НА КАКИХ ИДЕЯХ ВЫРОСЛИ ЛИБЕРАЛЫ

Сила мысли

Джон Стюарт Милль

**Теория справедливости. На
каких идеях выросли либералы**

«Алисторус»

УДК 330.82
ББК 66.1(2)522-18

Милль Д.

Теория справедливости. На каких идеях выросли либералы /
Д. Милль — «Алисторус», — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00269-444-0

Джон Стюарт Милль — один из важнейших английских философов XIX века, основоположник социального либерализма, друг Карла Маркса. Джон Роулз — создатель современного левого либерализма, один из важнейших деятелей американского аболиционизма 1960-х. В книге собраны впервые переведенные на русский язык работы этих выдающихся авторов. Здесь вы найдете полный перевод важнейшего эссе Милля «О социализме» и сокращённый перевод книги Роулза «Теория справедливости». Представленная книга необходима для тех, кто хочет понять, чем является либерализм на современном Западе

УДК 330.82
ББК 66.1(2)522-18

ISBN 978-5-00269-444-0

© Милль Д.
© Алисторус

Содержание

Джон Стюарт Милль О социализме	6
Предварительное замечание	6
Введение	7
Социалистические возражения против современного общественного порядка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джон Стюарт Милль, Джон Роулз Теория справедливости. На каких идеях выросли либералы

© Милль Д., 2026

© Роулз Д., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Джон Стюарт Милль О социализме

Предварительное замечание

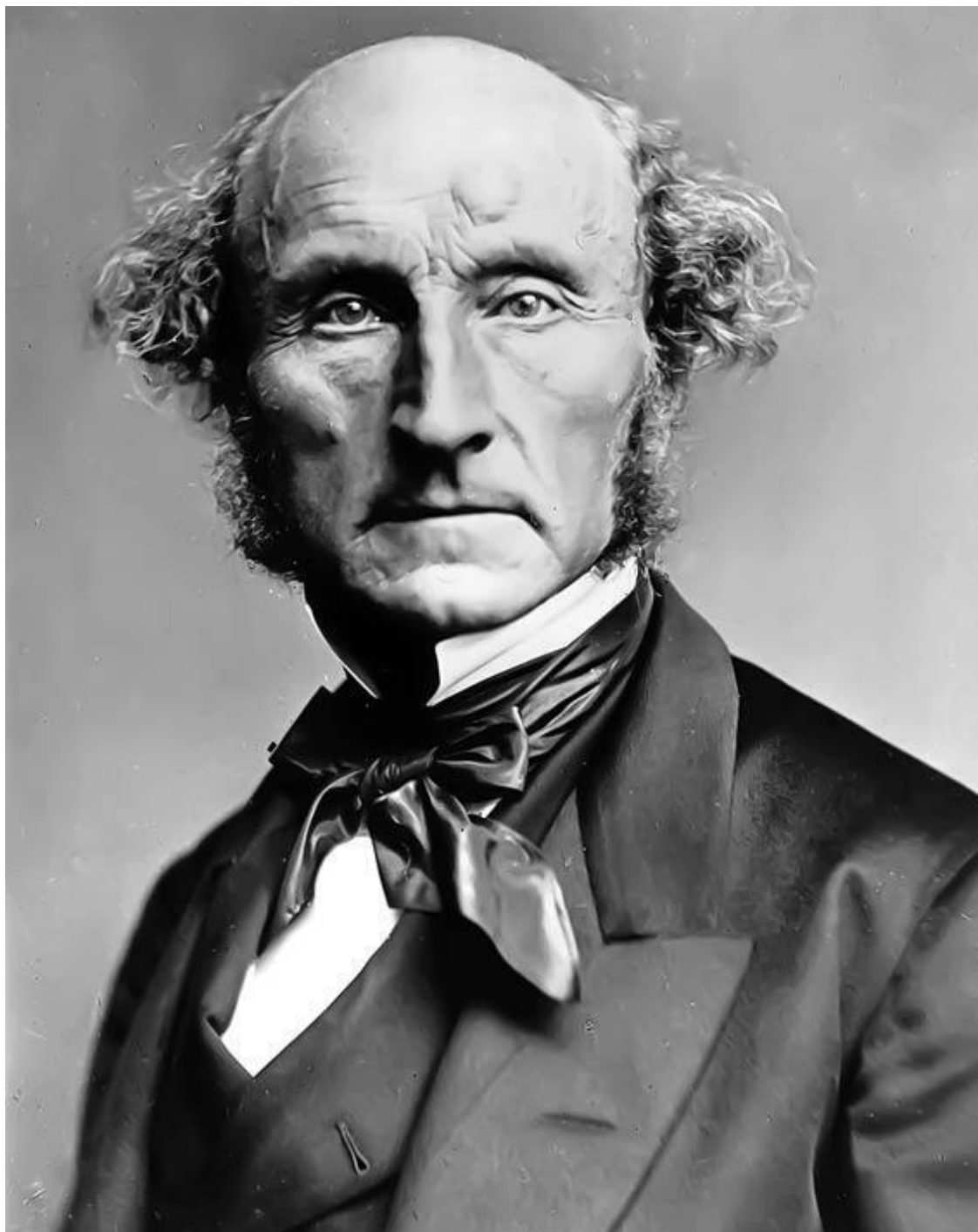
В 1869 году, будучи впечатлѐн тем, насколько даже в течение последних двадцати лет, когда мир, казалось, был всецело занят иными вопросами, социалистические идеи мыслителей-теоретиков распространились среди рабочих во всех цивилизованных странах, господин Милль задумал написать книгу о социализме. Будучи убеждѐн, что неизбежные тенденции современного общества будут всё более выдвигать связанные с ним вопросы на первый план, он считал делом огромной практической важности их основательное и беспристрастное рассмотрение и определение путей, посредством которых наилучшие теоретически проверенные концепции могли бы быть применены к существующему порядку вещей – без prolongation страданий, с одной стороны, и без излишних потрясений – с другой. Поэтому он спланировал работу, которая должна была исчерпывающе охватить всю тему, пункт за пунктом; и главы, публикуемые ныне, являются первыми черновыми набросками, заложенными в основание этого труда. Впоследствии, когда работа была бы полностью написана, а затем переписана, согласно привычке автора, эти главы, возможно, не появились бы в нынешнем порядке; они могли быть включены в различные части сочинения. Я не без колебаний уступила настоятельному желанию редактора этого журнала и отдаю эти главы миру; но я выполнила его просьбу, поскольку, помимо того что они, как мне кажется, обладают большой внутренней ценностью и особым отношением к проблемам, ныне властно привлекающим общественное внимание, они, полагая, не умалят даже чисто литературной репутации их автора, а скорее явят собой пример того терпеливого труда, с которым создаѐтся добротная работа.

Хелен Тейлор
Январь 1879 года

Введение

В великой стране за Атлантикой, которая ныне является едва ли не самой могущественной страной в мире и вскоре станет таковой бесспорно, господствует всеобщее мужское избирательное право. Таков же политический ценз во Франции с 1848 года, и таковым он стал для Германского союза, хотя и не для всех отдельных государств, в него входящих. В Великобритании избирательное право ещё не столь широко распространено, но последний Акт о реформе допустил в так называемую конституционную палату столь многочисленную массу живущих на недельную заработную плату, что как только, и всякий раз, когда они решат действовать сообща как класс и употребят для достижения какой-либо общей цели всю избирательную власть, которую дают им наши нынешние институты, они будут оказывать, хотя и не полное, но весьма значительное влияние на законодательство. А ведь это именно тот класс, который, на языке высших слоёв, не имеет в стране собственного интереса. Конечно, в действительности они имеют наибольший интерес, ибо их насущный хлеб зависит от её процветания. Но они не связаны (можно сказать, подкуплены) каким-либо особым собственным интересом, поддерживающим собственность как таковую, и уж тем более – поддерживающим неравенство собственности. Насколько простирается их власть ныне или будет простирается впредь, законы о собственности должны будут опираться на соображения публичного свойства, на оценку их способности содействовать общему благу, а не на мотивы сугубо личного характера, действующие на умы тех, кто контролирует правительство.

Мне кажется, что величие этой перемены до сих пор ещё отнюдь не осознано в полной мере ни теми, кто противился нашей последней конституционной реформе, ни теми, кто её осуществил. По правде говоря, восприятие англичанами тенденций политических изменений в последнее время несколько притупилось. Они видели столько осуществлённых перемен, от которых, пока они были лишь в перспективе, ожидали огромных последствий, – как зла, так и добра, – тогда как реальные результаты любого рода оказались далеко не столь значительными, как предсказывалось, что они пришли к ощущению, будто политическим изменениям вообще несвойственно оправдывать ожидания, и впали в привычку полусознательно верить, что такие изменения, когда они происходят без насильственной революции, не слишком или не постоянно нарушают на практике привычный для страны ход вещей. Это, однако, весьма поверхностный взгляд как на прошлое, так и на будущее. Различные реформы последних двух поколений были по меньшей мере столь же плодотворны в своих важных последствиях, как и предсказывалось. Предсказания часто ошибались относительно внезапности эффектов, а иногда и относительно самого рода эффекта. Мы смеёмся над тщетными ожиданиями тех, кто думал, что эмансипация католиков умиротворит Ирландию или примирит её с британским владычеством. В конце первого десятилетия действия Акта о реформе 1832 года лишь немногие продолжали верить и в то, что он устранил каждую важную практическую несправедливость, и в то, что он открыл путь ко всеобщему избирательному праву. Но ещё через двадцать пять лет его действия дали простор для широкого развития его косвенного воздействия, которое гораздо значительнее, чем прямое. Внезапные эффекты в истории обыкновенно поверхностны. Причины, уходящие глубоко в корни грядущих событий, производят наиболее серьёзную часть своих следствий лишь медленно и поэтому успевают стать частью привычного порядка вещей до того, как общее внимание будет привлечено к производимым ими переменам; когда же перемены становятся очевидными, поверхностные наблюдатели часто не видят их особой связи с породившей их причиной. Отдалённые последствия нового политического факта редко понимаются в момент их наступления, если только они не были оценены заранее.

Джон Стюарт Милль.

Такая своевременная оценка особенно легко осуществима в отношении тенденций перемены, внесённой в наши институты Актом о реформе 1867 года. Значительное увеличение избирательной власти, которое этот Акт предоставляет в распоряжение рабочих классов, постоянно. Обстоятельства, заставившие их до сих пор столь ограниченно пользоваться этой властью, по сути своей временны. Даже самым невнимательным известно, что рабочие классы имеют и, по всей вероятности, будут иметь политические цели, касающиеся их именно как рабочих классов, и в отношении этих целей они, правильно или ошибочно, полагают, что интересы и мнения других влиятельных классов противоположны их собственным. Сколь бы ни было замедлено ныне преследование этих целей отсутствием избирательной организации, разногласиями в их среде или тем, что они ещё не облекли свои пожелания в достаточно опре-

делённую практическую форму, столь же несомненно, как что-либо вообще может быть несомненным в политике, что они вскоре найдут средства сделать свою совокупную избирательную власть действенным орудием для достижения своих совокупных целей. И когда они это сделают, это будет не тем беспорядочным и неэффективным способом, который свойствен народу, не привыкшему к использованию законного и конституционного механизма, и не под влиянием побуждений простого инстинкта уравнительности. Инструментами станут пресса, публичные собрания и ассоциации, а также избрание в Парламент возможно большего числа лиц, связанных обязательствами отстаивать политические цели рабочих классов. Сами политические цели будут определяться определёнными политическими доктринами; ибо ныне политика научно изучается с точки зрения рабочих классов, и мнения, сложившиеся в особых интересах этих классов, организуются в системы и вероучения, которые претендуют на место на платформе политической философии на том же основании, что и системы, разработанные прежними мыслителями. Чрезвычайно важно, чтобы все мыслящие люди заблаговременно приняли в соображение, каковы, вероятно, будут эти народные политические вероучения, и чтобы каждый отдельный их пункт был подвергнут самому полному свету исследования и обсуждения, дабы, если возможно, когда настанет время, всё верное в них было принято, а всё ложное отвергнуто по общему согласию, и чтобы вместо враждебного конфликта – физического или даже только морального – между старым и новым лучшие части того и другого соединились в обновлённом социальном устройстве. При обычном темпе тех великих социальных перемен, которые совершаются не путём физического насилия, мы имеем впереди промежуток примерно в одно поколение; от надлежащего использования этого промежутка зависит, станет ли приспособление социальных институтов к изменившемуся состоянию человеческого общества делом мудрого предвидения или же борьбой противоположных предрассудков. Будущее человечества окажется под серьёзной угрозой, если великие вопросы будут оставлены на поле битвы между невежественными переменами и невежественным сопротивлением переменам.

Джон Роулз.

И обсуждение, которое теперь требуется, должно дойти до самых первых оснований существующего общества. Основополагающие доктрины, которые прежние поколения считали неоспоримыми, ныне вновь подвергаются испытанию. До нынешнего века институт собственности в той форме, в какой он был унаследован от прошлого, за исключением немногих пишущих теоретиков, не подвергался серьёзному сомнению, поскольку конфликты прошлого всегда были конфликтами между классами, каждый из которых был заинтересован в существующем устройстве собственности. Продолжать в том же духе долее будет невозможно. Когда в обсуждение включаются классы, у которых почти нет своей собственности и которые заинтересованы в институте лишь постольку, поскольку он является общественным благом, они не позволят ничего принимать на веру – уж точно не принцип частной собственности, законность и полезность которого отрицают многие из мыслителей, смотрящих с точки зрения рабочих классов. Эти классы несомненно потребуют, чтобы предмет во всех его частях был пересмотрен с самого основания; чтобы все предложения обойтись без данного института и все способы его видоизменения, которые имеют видимость благоприятствования интересам рабочих классов, получили самое полное рассмотрение и обсуждение, прежде чем будет решено, что предмет должен оставаться в нынешнем виде. Насколько это касается нашей страны, настроения рабочих классов до сих пор проявляли враждебность лишь к некоторым отдельным частям системы собственности. Многие из них желают изъять вопросы заработной платы из сферы свободы договора, что является одной из обычных прерогатив частной собственности. Более устремлённые из них отрицают, что земля является надлежащим предметом частного присвоения, и начали агитацию за её возвращение государству. С этим в речах некоторых агитаторов сочетается обличение того, что они именуют ростовщичеством, но без какого-либо определения того, что они под этим названием подразумевают; и этот клич, кажется, не местного происхождения, а был заимствован из сношений, недавно завязавшихся через Рабочие конгрессы и Интернациональное общество, с континентальными социалистами, которые возражают против всякого процента на деньги и отрицают законность получения дохода в любой форме от собственности, не связанной с трудом. Это учение пока не обнаруживает признаков широкого распространения в Великобритании, но почва хорошо подготовлена для принятия семян такого рода, которые широко разбрасываются из тех иностранных государств, где широкие общие теории и планы с грандиозными обещаниями, вместо того чтобы внушать недоверие, необходимы для популярности дела. Именно во Франции, Германии и Швейцарии анти-собственнические доктрины в самом широком смысле привлекли под свои знамёна большие массы рабочих. В этих странах почти все, кто стремится реформировать общество в интересах рабочих классов, называют себя социалистами – обозначение, под которым понимаются и смешиваются планы весьма разнородного характера, но которое подразумевает по меньшей мере переустройство, в целом приближающееся к упразднению института частной собственности. И, вероятно, обнаружилось бы, что даже в Англии наиболее видные и деятельные лидеры рабочих классов обычно в своих личных убеждениях являются социалистами того или иного толка, хотя, подобно большинству английских политиков, лучше сознавая, чем их континентальные собратья, что великие и постоянные перемены в основополагающих идеях человечества не совершаются одним ударом, они направляют свои практические усилия к целям, кажушимся более достижимыми, и довольствуются тем, что удерживают все крайние теории до тех пор, пока не будет накоплен опыт действия тех же принципов в частичном масштабе. Пока таков будет характер английских рабочих классов, как и англичан вообще, они едва ли опрометчиво ринутся в безрассудные крайности некоторых иностранных социалистов, которые даже в здравомыслящей Швейцарии провозглашают себя готовыми начать с простого ниспровержения, предоставив последующее восстановление самому себе; и под ниспровержением они подразумевают не только уничтожение всякого правительства, но и изъятие всякой собственности всех

видов из рук владельцев для использования на общее благо; каким именно способом, будет, говорят они, время решить впоследствии.

Роберт Нозик – идеолог правого либерализма и главный оппонент Роулза.

Открытое исповедание этой доктрины публичной газетой, органом ассоциации, является одним из любопытнейших знамений времени. Лидеры английских рабочих – чьи делегаты на конгрессах в Женеве и Базеле внесли наибольшую долю того практического здравого смысла, который там проявился, – едва ли начнут обдуманно с анархии, не составив никакого мнения о том, какая форма общества должна быть установлена взамен старой. Но очевидно, что всё, что бы они ни предложили, может быть правильно оценено, и основания оценки убедительны для общего сознания лишь на основе предварительного обзора двух соперничающих теорий, – теории частной собственности и теории социализма, – одна из которых неизбежно должна дать большую часть посылок в обсуждении. Поэтому, прежде чем мы сможем с пользой обсуждать этот класс вопросов в деталях, будет целесообразно рассмотреть с самых оснований общий вопрос, поднятый социализмом. И это рассмотрение должно быть проведено без враждебного предубеждения. Сколь бы неопровержимыми ни казались аргументы в пользу законов собственности тем, для кого они обладают двойным престижем незапамятного обычая и личного интереса, нет ничего естественнее, чем то, что рабочий человек, начавший размышлять о политике, смотрит на них совсем иначе. Достигнув после долгой борьбы в одних странах и почти достигнув в других той точки, где для них, по крайней мере, нет дальнейшего прогресса в области чисто политических прав, возможно ли, чтобы менее удачливые классы среди «взрослых мужчин» не задались вопросом: должен ли прогресс остановиться здесь? Несмотря на всё сделанное и на всё, что, по-видимому, будет сделано в расширении избирательных прав, немногие рождаются для великих богатств, а многие – для нищеты, делаемой лишь более раздражающей контрастом. Более не порабощённые и не поставленные в зависимость силой закона, огромное большинство находится в таком положении силой бедности; они всё ещё прикованы к месту, к занятию и к подчинению воле работодателя и отлучены случайностью рождения как от удовольствий, так и от умственных и нравственных преимуществ, которые другие наследуют без усилий и независимо от заслуг. Что это зло, равное почти любому из тех, против которых до сих пор боролось человечество, – в этом бедные не ошибаются. Но является ли оно необходимым злом? Им так говорят те, кто его не чувствует, – те, кто выиграл призы в лотерее жизни. Но точно так же говорилось, что рабство, что деспотизм, что все привилегии олигархии необходимы. Все последовательные шаги, сделанные беднейшими классами – частью завоёванные у лучших чувств сильных, частью исторгнутые у их страха, частью купленные за деньги или достигнутые в обмен на поддержку, оказанную одной фракции сильных в её распрях с другой, – встречали сильнейшие предрассудки; но их приобретение было знаком обрётённой подчинёнными классами власти, средством для этих классов приобрести ещё больше; следовательно, оно привлекло к этим классам некоторую долю уважения, оказываемого власти, и произвело соответствующее изменение в вероучении общества относительно них; какие бы преимущества им ни удавалось приобрести, начинали считаться им причитающимися, тогда как тех, которых они ещё не достигли, они по-прежнему считались недостойными. Поэтому классы, которые система общества делает подчинёнными, имеют мало оснований доверять какой-либо из максим, которые та же самая система общества могла установить в качестве принципов. Учитывая, что мнения человечества оказались столь удивительно гибкими, всегда стремились освящать существующие факты и объявлять то, чего ещё нет, либо пагубным, либо неосуществимым, – какая уверенность у этих классов, что различие между богатыми и бедными основано на более императивной необходимости, чем те другие древние и давно установившиеся факты, которые, будучи упразднены, ныне осуждаются даже теми, кто прежде извлекал из них выгоду? Это нельзя принимать на слово заинтересованной стороны. Рабочие классы вправе требовать, чтобы всё поле общественных институтов было пересмотрено и каждый вопрос рассматривался так, как если бы он возник впервые; с постоянно присутствующей мыслью, что

убеждать надлежит не тех, кто обязан своим довольством и значимостью нынешней системе, а лиц, не имеющих иного интереса в этом деле, кроме абстрактной справедливости и общего блага общины. Целью должно быть установление того, какие институты собственности были бы созданы непредубеждённым законодателем, абсолютно беспристрастным между владельцами собственности и невладельцами; и защищать и оправдывать их следует доводами, которые действительно повлияли бы на такого законодателя, а не такими, которые имеют видимость придуманных для оправдания уже существующего. Такие права или привилегии собственности, которые не выдержат этой проверки, рано или поздно должны будут быть оставлены. Более того, беспристрастное рассмотрение должно быть дано всем возражениям против самой собственности. Все бедствия и неудобства, присущие институту в его наилучшей форме, должны быть откровенно признаны, и должны быть применены наилучшие средства исправления или смягчения, какие только способен изобрести человеческий разум. И все планы, предлагаемые социальными реформаторами, под каким бы наименованием они ни обозначались, с целью достижения благ, на которые направлен институт собственности, без его неудобств, должны рассматриваться с той же беспристрастностью, не предрешая заранее, что они абсурдны или неосуществимы.

Социалистические возражения против современного общественного порядка

Поскольку во всех предложениях о переменах надлежит рассматривать два элемента, – то, что должно быть изменено, и то, на что оно должно быть изменено, – так и в социализме, рассматриваемом в целом и в каждой его разновидности в отдельности, следует различать две части: одну – негативную и критическую, другую – конструктивную. Есть, во-первых, суждение социализма о существующих институтах и обычаях и их результатах; а во-вторых, различные планы, которые он выдвинул для улучшения положения. В первом отношении все различные школы социализма едины. Они почти до тождества согласны в тех недостатках, которые находят в экономическом устройстве существующего общества. До известной точки они также придерживаются одного и того же общего представления о средстве, которое должно быть представлено для исправления этих недостатков; но в деталях, несмотря на это общее согласие, существует большое расхождение. При попытке оценить их доктрины будет и естественно, и удобно начать с негативной части, общей для всех них, и отложить всякое упоминание об их различиях до той второй части их предприятия, в которой только они и расходятся серьёзно.

Эта первая часть нашей задачи отнюдь не трудна, поскольку состоит лишь в перечислении существующих зол. В них нет недостатка, и большинство из них отнюдь не являются тёмными или загадочными. Многие из них – самые что ни на есть общие места моралистов, хотя корни даже этих зол лежат глубже, чем моралисты обычно пытаются проникнуть. Они столь разнообразны, что единственная трудность – сколько-нибудь приблизиться к исчерпывающему каталогу. Мы удовольствуемся на данный момент упоминанием нескольких главных. И пусть читатель помнит одно. Когда пункт за пунктом этого перечисления будет проходить перед ним, и он будет находить один факт за другим, которые привык относить к числу естественных необходимостей, выдвигаемых как обвинение против общественных институтов, он не вправе кричать о несправедливости и протестовать, что жалующие бедствия внутренне присущи Человеческому и Обществу и таковы, что никакие устройства не могут их исправить. Утверждать это значило бы предрешать сам спорный вопрос. Никто не готов более социалистов признать, – они, собственно, утверждают это гораздо решительнее, чем оправдывает истина, – что бедствия, на которые они жалуются, неустранимы при нынешнем устройстве общества. Они предлагают рассмотреть, не может ли быть измышлена какая-либо иная форма общества, которая не была бы подвержена этим бедствиям или была бы подвержена им в гораздо меньшей степени. Те, кто возражает против современного порядка общества, рассматриваемого в целом, и кто принимает как альтернативу возможность полной перемены, имеют право включить все бедствия, ныне существующие в обществе, в обоснование своей позиции, независимо от того, приписываются ли они явно общественным устройствам или нет, при условии, что они не проистекают из физических законов, противодействовать которым человеческая сила не в состоянии или человеческое знание ещё не научилось. Моральные бедствия и такие физические бедствия, которые были бы устранены, если бы все поступали как должно, по праву вменяются в вину состоянию общества, которое их допускает; и они служат действительными аргументами до тех пор, пока не будет показано, что любое другое состояние общества повлекло бы за собой равное или большее количество таких бедствий. По мнению социалистов, нынешние устройства общества в отношении Собственности, Производства и Распределения Богатства являются, как средства для общего блага, полной неудачей. Они говорят, что существует огромная масса зла, которую эти устройства не в состоянии предотвратить; что благо, будь то нравственное или физическое, которое они осуществляют, до жалкости мало по сравнению с количеством затрачиваемых усилий, и что даже это малое количество блага достигается средствами, полными пагубных последствий, нравственных и физических.

Первым среди существующих общественных зол следует назвать зло Бедности. Институт Собственности поддерживается и восхваляется главным образом как средство, коим труд и бережливость обеспечиваются своей наградой, а человечеству даётся возможность выйти из нужды. Возможно, так оно и есть; большинство социалистов признают, что так было в более ранние периоды истории. Но если институт не может сделать в этом отношении ничего больше или лучше, чем он сделал до сих пор, то возможности его, утверждают они, весьма незначительны. Какая доля населения в наиболее цивилизованных странах Европы пользуется лично для себя хоть сколько-нибудь заслуживающими упоминания благами собственности? Можно сказать, что без собственности в руках их нанимателей они остались бы без насущного хлеба; но, даже если это допустить, по крайней мере насущный хлеб – это всё, что у них есть; и часто в недостаточном количестве; почти всегда низкого качества; и без какой-либо уверенности в том, что они вообще будут его иметь постоянно; огромная доля трудящихся классов в тот или иной период своей жизни (и все подвержены риску) становится зависимой, по крайней мере временно, от законной или добровольной благотворительности. Любая попытка изобразить бедствия нужды или оценить долю человечества, которая в наиболее передовых странах привычно отдана в течение всего своего существования физическим и нравственным страданиям, была бы здесь излишней. Это можно предоставить филантропам, которые изобразили эти бедствия достаточно яркими красками. Довольно сказать, что положение множества людей в цивилизованной Европе, и даже в Англии и Франции, более плачевно, чем у большинства известных нам племён дикарей.

Могут сказать, что на эту тяжёлую долю никто не имеет оснований жаловаться, ибо она постигает лишь тех, кто оказался позади других из-за недостатка энергии или благоразумия. Это, даже будь оно правдой, было бы весьма малым облегчением зла. Если бы какой-нибудь Нерон или Домициан заставил сотню людей бежать наперегонки за свою жизнь, с условием, что пятьдесят или двадцать, пришедшие последними, будут преданы смерти, это ничуть не уменьшило бы несправедливости от того, что сильнейшие или проворнейшие, если не случится какого-либо несчастья, наверняка спасутся. Бедствие и преступление заключались бы в том, что их вообще предадут смерти. Так и в экономике общества; если есть кто-либо, кто страдает от физической нужды или нравственного унижения, чьи телесные потребности либо не удовлетворены, либо удовлетворены способом, которым могут довольствоваться только скотоподобные существа, это, хотя и не обязательно преступление общества, есть *pro tanto* неудача общественного устройства. И утверждать в смягчение зла, что страдающие так суть более слабые члены общины, нравственно или физически, значит добавлять оскорбление к несчастью. Разве слабость есть оправдание страдания? Не является ли она, напротив, неотразимым притязанием к каждому человеческому существу на защиту от страдания? Если бы умы и чувства преуспевающих были в надлежащем состоянии, разве принимали бы они своё преуспеяние, если бы ради него хотя бы один человек рядом с ними, по какой-либо иной причине, кроме добровольной вины, был исключён из возможности достойного существования?

Есть одно обстоятельство, которое, если бы его можно было утверждать с истиной, освободило бы общественные институты от какой-либо доли ответственности за эти бедствия. Поскольку род человеческий не имеет иных средств к сносному существованию, или к существованию вообще, кроме тех, которые он получает от собственного труда и воздержания, не было бы основания для жалоб на общество, если бы каждый, кто готов нести справедливую долю этого труда и воздержания, мог получить справедливую долю плодов. Но так ли это на деле? Не есть ли это противоположность факту? Награда, вместо того чтобы быть соразмерной труду и воздержанию индивида, находится почти в обратном отношении к ним: те, кто получает наименьше, трудятся и воздерживаются больше всех. Даже праздные, безрассудные и дурно ведущие себя бедняки, те, кого с наибольшим основанием можно винить в своём положении, часто несут гораздо больше и гораздо более тяжёлого труда не только чем те, кто рождён

для денежной независимости, но и чем почти кто-либо из более высокооплачиваемых, зарабатывающих себе на жизнь; и даже недостаточное самообладание, проявляемое трудолюбивыми бедняками, стоит им больше жертв и больше усилий, чем почти когда-либо требуется от более привилегированных членов общества.

Рональд Дворкин – продолжатель идей Роулза.

Сама идея распределительной справедливости или какой-либо пропорциональности между успехом и заслугой или между успехом и усилием в нынешнем состоянии общества настолько очевидно химерична, что отослана в область романтических фантазий. Верно, что жребий индивидов не полностью независим от их добродетели и интеллекта; они действительно говорят в их пользу, но гораздо меньше, чем многие другие обстоятельства, в которых вовсе нет заслуги. Самое могущественное из всех определяющих обстоятельств – это рождение. Подавляющее большинство таково, каким родилось. Некоторые рождаются богатыми без труда, другие рождаются в положении, в котором могут разбогатеть трудом, огромное большинство рождается для тяжёлого труда и бедности на всю жизнь, многие – для нужды. Вслед за рождением главной причиной успеха в жизни являются случай и возможность. Когда человек, не рождённый для богатства, преуспевает в его приобретении, его собственное трудолюбие и ловкость обычно способствуют результату; но трудолюбия и ловкости не хватило бы, если бы не было также стечения обстоятельств и шансов, выпадающих на долю лишь немногих. Если людям помогает в их земной карьере их добродетель, то им помогает, и, возможно, столь же часто, их порок: раболепие и подхалимство, чёрствая и скупая эгоистичность, дозволенная ложь и уловки торговли, биржевые спекуляции, а нередко и прямое мошенничество. Энергия и таланты гораздо более способствуют успеху в жизни, чем добродетели; но если один человек преуспевает, употребляя энергию и талант на нечто общепольное, другой процветает, проявляя те же качества в перехитрении и разорении соперника. Всё, что отваживается утверждать какой-либо моралист, это что при прочих равных условиях честность – лучшая политика и что при равенстве преимуществ честный человек имеет больше шансов, чем плут. Даже это во многих положениях и обстоятельствах жизни сомнительно; что-либо сверх этого совершенно невозможно. Нельзя притворяться, что честность как средство успеха значит столько же, сколько разница в одну единственную ступень на общественной лестнице. Связь между фортуной и поведением состоит главным образом в том, что существует степень дурного поведения, вернее, некоторых видов дурного поведения, которая достаточна, чтобы погубить любое количество удачи; но обратное неверно: в положении большинства людей никакая степень хорошего поведения не может быть расценена как достаточная для возвышения в мире без помощи счастливых случайностей.

Итак, эти бедствия – великая бедность, и бедность эта весьма мало связана с заслугами – суть первая крупная неудача существующих устройств общества. Второе – человеческое дурное поведение; преступление, порок и глупость со всеми страданиями, которые следуют за ними по пятам. Ибо почти все формы дурного поведения, совершаемого по отношению к себе или к другим, могут быть возведены к одной из трёх причин: бедность и её соблазны у многих; праздность и безделье у немногих, чьи обстоятельства не принуждают их трудиться; дурное воспитание или отсутствие воспитания у тех и других. Первые две, надо признать, суть по меньшей мере неудачи общественных устройств; последняя ныне почти повсеместно признаётся виной этих устройств – можно почти сказать, преступлением. Я говорю нестрого и приблизительно, ибо более тщательный анализ источников недостатков характера и ошибок поведения установил бы гораздо более убедительно ту связь, которая соединяет их с несовершенной организацией общества, хотя также показал бы и взаимную зависимость этого несовершенного состояния общества от отсталого состояния человеческого ума.

На этом месте в перечислении зол общества обычно останавливались простые уравниатели прежних времён; но их более дальновидные преемники, нынешние социалисты, идут дальше. В их глазах самая основа человеческой жизни в её нынешнем виде, самый принцип, по которому ныне совершаются производство и распределение всех материальных продуктов, по сути своей порочен и антисоциален. Это принцип индивидуализма, конкуренции, каждый за себя и против всех остальных. Он основан на противоположности интересов, а не на их

гармонии, и при нём каждый должен находить своё место в борьбе, оттесняя других назад или будучи оттесняемым ими. Социалисты считают эту систему частной войны (как её можно назвать) каждого против каждого особенно пагубной как в экономическом, так и в нравственном отношении. С нравственной точки зрения её бедствия очевидны. Она порождает зависть, ненависть и всяческое недоброжелательство; она делает каждого естественным врагом всех других, пересекающих его путь, а путь каждого постоянно может быть пересечён. При нынешней системе едва ли кто-либо может выиграть иначе, как за счёт потери или разочарования одного или многих других. В хорошо устроенной общине каждый выигрывал бы от успешных усилий любого другого человека; ныне же мы выигрываем от потери друг друга и проигрываем от выигрыша друг друга, и наши величайшие выигрыши происходят из наихудшего источника – из смерти, смерти тех, кто нам ближе всех и должен быть дороже всех. В чисто экономическом действии принцип индивидуальной конкуренции подвергается столь же безусловному осуждению со стороны социальных реформаторов, как и в нравственном. В конкуренции рабочих они видят причину низкой заработной платы; в конкуренции производителей – причину разорения и банкротства; и оба эти бедствия, утверждают они, имеют постоянную тенденцию усиливаться по мере прогресса населения и богатства; никто, полагают они, не извлекает выгоды, кроме крупных землевладельцев, держателей фиксированных денежных доходов и немногих крупных капиталистов, чьё богатство постепенно даёт им возможность продавать дешевле всех других производителей, поглотить все операции промышленности в свою собственную сферу, вытеснить с рынка всех нанимателей труда, кроме самих себя, и превратить рабочих в своего рода рабов или крепостных, зависящих от них в средствах существования и вынужденных принимать их на таких условиях, какие те пожелают предложить. Общество, короче говоря, движется, согласно этим мыслителям, к новой феодальности – феодальности крупных капиталистов.

Поскольку в последующих главах у меня будет достаточно возможности изложить моё собственное мнение по этим вопросам и по многим другим, с ними связанным и им подчинённым, я теперь, без дальнейших предисловий, представлю взгляды выдающихся социалистов на современные устройства общества в подборке отрывков из их опубликованных сочинений. В настоящий момент я желаю быть рассматриваемым лишь как передатчик мнений других. Впоследствии обнаружится, в какой мере то, что я цитирую, согласуется с моими собственными воззрениями или расходится с ними.

Наиболее ясное, наиболее сжатое и наиболее точное и конкретное изложение дела социалистов вообще против существующего порядка общества в экономической области человеческой деятельности находится в небольшой работе г-на Луи Блана «Организация труда». Посему мои первые выдержки по этой части предмета будут взяты из этого трактата.

«Конкуренция – это для народа система истребления. Является ли бедняк членом общества или его врагом? Мы требуем ответа.

Вокруг себя он всюду находит землю уже занятой. Может ли он возделывать землю для себя? Нет; ибо право первого завладевшего превратилось в право собственности. Может ли он собирать плоды, которые рука Божия взращивает на пути человека? Нет; ибо, подобно земле, плоды были присвоены. Может ли он охотиться или рыбачить? Нет; ибо это право зависит от правительства. Может ли он черпать воду из источника, огороженного в поле? Нет; ибо собственник поля в силу своего права на поле есть собственник источника. Может ли он, умирая от голода и жажды, протянуть руку за милостыней к ближним своим? Нет; ибо есть законы против нищенства. Может ли он, изнемогая от усталости и не находя приюта, лечь спать на мостовой? Нет; ибо есть законы против бродяжничества. Может ли он, умирая с голоду на жестокой родине, где ему во всём отказано, искать средств к жизни вдали от места, где ему была дарована жизнь? Нет; ибо менять отечество дозволяется не иначе как на известных условиях, которых бедняк выполнить не может.

Что же может сделать несчастный? Он скажет: «У меня есть руки для работы, у меня есть разум, у меня есть молодость, у меня есть сила; возьмите всё это и дайте мне взамен кусок хлеба». Это именно и говорят рабочие. Но и тут бедняку могут ответить: «У меня нет для вас работы». Что же ему делать тогда?»

«Что такое конкуренция с точки зрения рабочего? Это работа, выставленная на торги. Подрядчику нужен рабочий: являются трое.

- Сколько просите за вашу работу?
- Полкроны; у меня жена и дети.
- Хорошо; а вы сколько?
- Два шиллинга; у меня детей нет, но есть жена.
- Очень хорошо; а теперь вы сколько?
- Мне довольно одного шиллинга и восьми пенсов; я холост.
- Тогда работу получите вы.

Сделка совершена. А что делать двум другим рабочим? Надо полагать, они спокойно умрут с голоду. Но что, если они примутся воровать? Не бойтесь; у нас есть полиция. А если убивать? У нас есть палач. Что до счастливец, его торжество лишь временно. Пусть явится четвёртый рабочий, достаточно сильный, чтобы поститься через день, и его цена сойдёт ещё ниже; тогда будет новый отверженный, а может быть, и новый рекрут для тюрьмы!

Скажут ли, что эти печальные результаты преувеличены; что во всяком случае они возможны лишь тогда, когда для ищущих работы рук недостаёт работы? Но я спрошу в ответ: содержит ли принцип конкуренции случайно в самом себе какой-либо способ избежать этого убийственного несоответствия? Если одна отрасль промышленности нуждается в руках, кто поручится, что в сумятице, создаваемой всеобщей конкуренцией, другая не перенасыщена? И если из тридцати четырёх миллионов людей двадцать действительно вынуждены воровать, чтобы жить, этого довольно, чтобы осудить принцип.

Но кто столь слеп, чтобы не видеть: при системе неограниченной конкуренции непрерывное падение заработной платы – не исключительное обстоятельство, а необходимый и всеобщий факт? Имеет ли население предел, которого не может переступить? Возможно ли нам сказать промышленности – промышленности, предоставленной случайностям индивидуального эгоизма и плодovitой на разорения, – можем ли мы сказать: «Доселе дойдёшь и не преждёши»? Население постоянно возрастает: велите бедной матери стать бесплодной и хулить Бога, сделавшего её плодovitой, ибо если вы этого не сделаете, списки скоро станут слишком тесны для бойцов. Изобретается машина: прикажите разбить её и прокляните науку, ибо если вы этого не сделаете, тысяча рабочих, лишённых новой машиной труда, постучатся в дверь соседней мастерской и собьют заработную плату своих товарищей. Так систематическое понижение заработной платы, оканчивающееся вытеснением известного числа рабочих, есть неизбежное следствие неограниченной конкуренции. Это промышленная система, посредством которой рабочие классы вынуждены истреблять друг друга».

«Если есть несомненный факт, так это то, что возрастание населения гораздо быстрее среди бедных, чем среди богатых. Согласно статистике европейского населения, рождения в Париже составляют лишь одну тридцать вторую населения в богатых кварталах, тогда как в других они поднимаются до одной двадцать шестой. Эта диспропорция – факт всеобщий, и г-н де Сисмонди в своём труде по политической экономии объяснил её невозможностью для рабочих разумной предусмотрительности. Лишь те, кто чувствует себя обеспеченным в завтрашнем дне, могут соразмерять число своих детей с доходом; кто живёт со дня на день, тот под игом таинственного рока, которому приносит в жертву своих детей, как сам был принесён ему в жертву. Правда, существуют работные дома, угрожающие обществу наводнением нищих – какой же есть способ избежать причины?.. Ясно, что всякое общество, где средства существования возрастают менее быстро, нежели численность населения, есть общество на краю

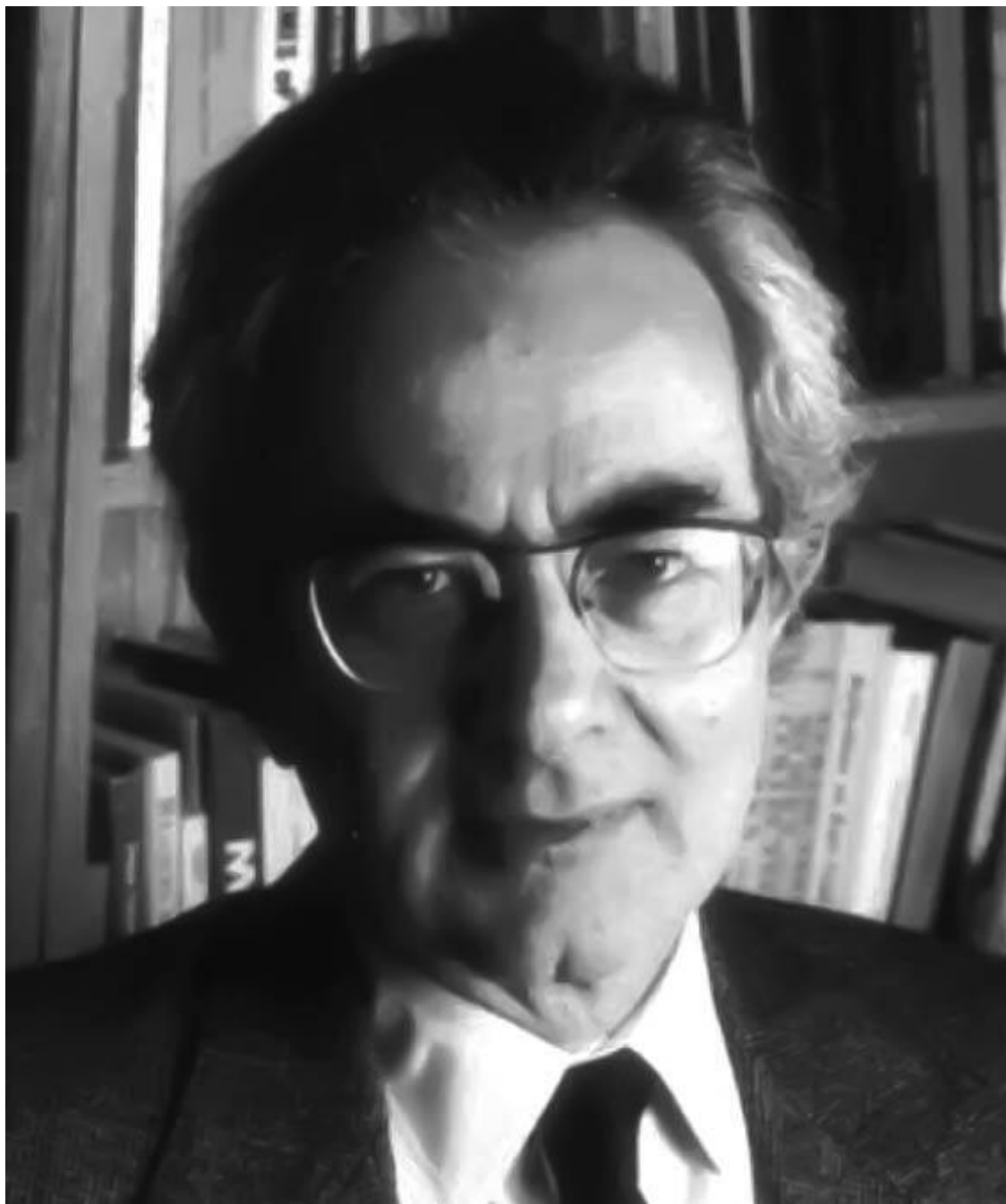
пропасти... Конкуренция порождает нищету; это факт, показываемый статистикой. Нищета страшно плодovита; это показывается статистикой. Плодовитость бедных бросает в общество несчастных созданий, имеющих нужду в работе и не могущих её найти; это показывается статистикой. На сем пункте общество поставлено в необходимость выбирать между убийством бедных или содержанием их даром – между зверством или глупостью».

Столько о бедных. Теперь перейдём к средним классам.

«Согласно политико-экономом школы Адама Смита и Леона Сэ, дешевизна – вот слово, в коем можно резюмировать выгоды неограниченной конкуренции. Но зачем упорно рассматривать действие дешевизны лишь с точки зрения минутной выгоды потребителя? Дешевизна выгодна потребителю ценой внесения семян губительной анархии среди производителей. Дешевизна есть, так сказать, топор, коим богатые производители сокрушают своих беднейших соперников. Дешевизна есть западня, в кою дерзкие спекулянты заманивают трудолюбивых. Дешевизна есть смертный приговор мелкому производителю, у которого нет денег на покупку машин, легко доступных его богатым соперникам. Дешевизна есть великое орудие в руках монополии; она поглощает мелкого фабриканта, мелкого торговца, мелкого собственника; она есть, одним словом, разрушение средних классов в пользу немногих промышленных олигархов.

Должны ли мы, стало быть, считать дешевизну проклятием? Никто не стал бы поддерживать такую нелепость. Но особенность ложных принципов – обращать добро во зло и развращать все вещи. При системе конкуренции дешевизна есть лишь преимущество временное и обманчивое. Она держится только доколе длится борьба; как только богатые конкуренты вытеснили своих беднейших соперников, цены поднимаются. Конкуренция ведёт к монополии, по той же причине, по какой дешевизна ведёт к высоким ценам. Таким образом, то, что использовалось как оружие в состязании производителей, рано или поздно становится причиной обеднения потребителей. И если к этой причине мы прибавим другие, уже перечисленные нами, из коих на первом месте должно поставить чрезмерное возрастание населения, мы вынуждены будем признать обеднение массы потребителей прямым следствием конкуренции.

Но, с другой стороны, та самая конкуренция, которая стремится иссушить источники спроса, понуждает производство к переполнению рынка. Сумятица, производимая всеобщей борьбой, мешает каждому производителю знать состояние рынка. Он должен работать впотьмах и полагаться на случай в сбыте. К чему ему сдерживать предложение, особенно когда он может переложить любой убыток на рабочего, чья заработная плата столь преимущественно подвержена повышениям и понижениям? Даже когда производство идёт в убыток, фабриканты всё же часто продолжают его, потому что не желают оставлять без дела свои машины и т. д., или рисковать потерей сырья, или терять покупателей; и потому что производительная промышленность, ведомая при системе конкуренции, будучи не чем иным, как азартной игрой, где игрок не захочет потерять свой шанс на счастливый удар.

Томас Нагель – один из важнейших теоретиков левого либерализма.

Таким образом – и мы не можем слишком часто на этом настаивать – конкуренция необходимо стремится увеличить предложение и уменьшить потребление; следовательно, стремление её прямо противоположно тому, чего добивается экономическая наука; посему она не только угнетательна, но и неразумна».

«И во всём этом, дабы не останавливаться на истинах, ставших общими местами и звучащих декламацией именно вследствие своей истинности, мы ничего не сказали об ужасающем нравственном развращении, которое промышленность, организованная или, говоря точнее, дезорганизованная, как ныне, внесла в средние классы. Всё стало продажно, и конкуренция вторгается даже в область мысли.

Фабрика, сокрушающая мастерскую; блестящее заведение, поглощающее скромную лавку; ремесленник, сам себе хозяин, заменённый подёнщиком; обработка плугом, вытесняющая обработку заступом и подвергающая поле бедняка позорной зависимости от ростовщика;

банкротства, умножающиеся; обрабатывающая промышленность, превращённая дурно урегулированным расширением кредита в систему азартной игры, где никто, даже плут, не может быть уверен в выигрыше; одним словом, великая смута, способная возбудить зависть, недоверие и ненависть и заглушить мало-помалу все великодушные стремления, всякую веру, самоотвержение и поэзию – такова отвратительная, но слишком верная картина результатов, полученных от применения принципа конкуренции».

Фурьеристы, в лице своего главного органа, г-на Консидерана, перечисляют бедствия нынешней цивилизации в следующем порядке.

Она употребляет огромное количество труда и человеческих сил непроизводительно или на дело разрушения.

«Во-первых, существует армия, которая во Франции, как и во всех других странах, поглощает здоровейших и сильнейших мужчин, большое число самых даровитых и умных людей и значительную часть государственных доходов... Существующее состояние общества развивается в своей нечистой атмосфере бесчисленных отверженцев, труд которых не только непроизводителен, но и прямо разрушителен: авантюристов, проституток, людей без определенных средств к жизни, нищих, каторжников, мошенников, воров и других, число коих скорее стремится возрастать, нежели уменьшаться...

К списку непроизводительного труда, поощряемого нашим состоянием общества, должно прибавить труд судебного сословия и адвокатуры, судов и магистратов, полиции, тюремщиков, палачей и т. д. – функции, необходимые при теперешнем состоянии общества.

Также люди так называемого «хорошего общества»; те, кто проводит жизнь в праздности; бездельники всех рангов.

Также бесчисленные таможенные чиновники, сборщики податей, судебные приставы, акцизные надзиратели; словом, вся та армия людей, которая надзирает, ведёт счёт, отнимает, но ничего не производит.

Также труды софистов, философов, метафизиков, политиков, работающих в ложных направлениях, кои ничего не делают для развития науки и производят лишь смуту и бесплодные прения; пустословие адвокатов, стряпчих, свидетелей и т. д.

И наконец, все операции торговли, от операций банкиров и маклеров до операций бакалейщика за его прилавком».

Во-вторых, они утверждают, что даже те промышленность и силы, которые при нынешней системе посвящены производству, производят не более малой доли того, что могли бы производить, будучи лучше употреблены и направлены:

«Кто с доброй волей и размышлением не увидит, сколь много недостаток связи – беспорядок, недостаток комбинации, раздробление труда и предоставление его всецело индивидуальному действию без какой-либо организации, без каких-либо широких или общих взглядов – суть причины, ограничивающие возможности производства и уничтожающие или по крайней мере расточающие наши средства действия? Разве беспорядок не порождает бедность, как порядок и хорошее управление порождают богатство? Разве недостаток комбинации не есть источник слабости, как комбинация есть источник силы? И кто может сказать, что промышленность, будь то земледельческая, домашняя, обрабатывающая, научная, художественная или торговая, организована в наши дни либо в государстве, либо в муниципалитетах? Кто может сказать, что вся работа, производимая в любой из этих отраслей, исполняется в подчинении каким-либо общим видам, или с предвидением, экономией и порядком? Или, опять же, кто может сказать, что в нашем нынешнем состоянии общества возможно развитие, путем хорошего воспитания, все способности, данные природой каждому из его членов; употребить каждого на те функции, которые ему нравятся, к которым он наиболее способен и которые, следовательно, он мог бы исполнять с наибольшей выгодой для себя и для других? Пытались ли когда-либо разрешить проблемы, представляемые различиями характера, дабы урегулировать

и гармонизировать разнообразие занятий сообразно естественным склонностям? Увы! Утопия самых пламенных филантропов – научить читать и писать двадцать пять миллионов французов! И при нынешнем состоянии вещей мы можем поставить им в невозможность преуспеть даже в этом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.